

Сотрясающие землю и шокирующие удары, все существа в течение трех дней, будь то верховный мятежный монах, или самый слабый насекомый муравей, "перед глазами" в то же время возникло то блестящее и великолепное !

Из сердцевины мира Баосянь, он мгновенно пересек День Святого Духа и большое поле Да Луотяня, и сдержанный "один удар" ударил.

Это как размолоть тофу, все существа "видят", и вновь возникшая тюрьма Да Луо Тянь в сердцевине Да Луотяня рушится. Дворец злого неба **** рушится. Цин И и лисы в Алом зале - нет. Беспокойство, там лисы, и там более дюжины старых женщин, десятки старых мотыг рвет кровью на землю, и кости раздроблены.

Затем все ощущают своеобразное, хаотичное очарование этого "боя".

Нет желания, нет свободы, нет стремления, не важно, чего ты хочешь...

Все существа почувствовали, что их тела и духи словно сняли невидимые оковы после соприкосновения с этим дыханием, и все они стали намного легче, а их сердца словно очистились от слоя пыли и стали чистыми и прозрачными. много.

Итак, существует множество существ, которым не позволено вступать на порог монахов. Будь то люди или звери, будь то рыбы или птицы, в этот момент они вдруг прорвались через порог монахов и официально вошли в дверь культивации.

Существует также множество живых существ, которые были заперты в определенном узком месте. В этот момент они вдруг осознали, что духи вспыхнули в их сознании, и атмосфера всего тела расцвела. Он прорвался через огромное царство трудностей.

Огромный мир Тяньхэ, казалось, был избит куриной кровью. Все миры трехдневного мира стали отчетливыми и гибкими. В каждом большом и малом мире поднялась богатая жизнь, и повсюду проступили бесчисленные вены.

Ползая, большое количество чистых духов неба и земли выбрасываются, превращаясь в туман, который распространяется во всех направлениях и питает все.

Первоначальное место тюрьмы Да Луо Тянь, почти разбитый лисами и печалью на куске гравия диаметром 100 футов, сплюнул кровь в большой рот и тяжело поднял голову, глядя в направлении 'Цзин Цзинь'.

Его лицо было как грязь, а рот продолжал бормотать 'Невозможно'!

Одежда позади него внезапно рассыпалась, и на его белой, как нефрит, спине появилась яркая татуировка. Некоторые камни были окружены травой и бамбуком. В центре большого камня лениво преследовала огромная белая лиса. Длинный хвост мягко покачивался за ним.

С шепотом лиса за спиной сильно открыла глаза.

Пара чрезвычайно тонких век засветилась, и синий свет засиял в пустоте, тускло отгораживая непредсказуемого Тяньвэя от мира Баосянь.

"Это дыхание... не правильно... маленькая тревога, что случилось на твоей стороне? Это первый раз, когда ты покидаешь дом. Если ты хорошо себя проявишь, то в будущем получишь место на "дневной должности". Долгосрочное видение, бессмертие и пустота мира".

"Если ты сломал вещи на этот раз, даже если ты дорогой мой любимый маленький внук, ты также конец смога... "Бога трудно сломать", "Бог" никогда не давал шанса... потому что я хочу Есть слишком много живых существ для "дня". Мои предки, я не могу быть эгоистом".

Всего за два-три предложения татуировка лисы, казалось, исчерпала свои силы, и звук постепенно стал прерывистым. Голубой свет скорпиона постепенно тускнел.

"Без забот, без высокомерия, мои предки уверены, что на этот раз, без забот и жизнь, безусловно, может быть выполнена должным образом!" Есть беззаботная сторона лиса, чтобы рвать кровью, в то время как принимая слово от глаз слепых.

Здесь лиса беспокоится, кляня своих предков, недалеко на куске быстро катящегося гравия, Цин И медленно встал.

В круглом Тяньшоубао позади нее, слабая фигура женщины была полностью разрушена предыдущим ударом. Насыщенная кровь в Тяньбаобао незаметно рассеялась, только чистый красный священный красный свет медленно освобождал ее.

Пинцет Цин И вернулся к бледно-голубому от крови цвету, а цвет губ стал насыщенным голубым. Прикусив холодные глаза, она с трепетом и беспокойством наблюдала за трепетом. Штрафы Царицы Небес внезапно расширились, и тысячи красных цепей толщиной с большой палец разлетелись с пронзительными звуками.

Раздался пронзительный крик лиса, он с силой выхватил веер из перьев, спрятанный в рукаве, и большая пламя взвилось ввысь. Большая часть красной цепи была сожжена пламенем в голубой дым, а маленькая полуцепочка проникла в пламя. На тело таракана надета цепочка без лисы.

Лисы не беспокоят. Между пальцами почти мясистое сито, и он кричит в своей плоти и крови.

Татуировка белого лиса на спине почти закрыла ему глаза, и он услышал пронзительные крики лис. Татуировка белого лиса открыла глаза, и низкий гнев вздохнул: "Бесполезный парень, ты Разве это не означает, что все под контролем?"

"О, все еще нельзя... слишком много думать о спасении вещей! Молодые люди в наше время действительно уступают поколению, все более ненадежны и все более бесполезны." Рот белого лиса в татуировке вытянулся острой дугой, он несколько раз щелкнул зубами, и глаза, которые вот-вот снова закроются, снова захлопнулись.

Большой кусок голубого света озаряет пустоту, и из спины лиса выплывает череп, а из него - косой взмах Цин И.

Один лишь взгляд, и Цин И подобен удару грома, а большой рот, извергающий кровь, отлетает назад.

В то же время вспыхнул гром колеса сокровищ Тяньцюань, со свистом вылетел громовой нож **** и опустился на голову лисы.

Лисья голова ужасно закричала и мгновенно превратилась в дымящуюся спину с телом без лисы, а затем из татуировки вырвалось гневное проклятие: "Действительно расточительство, расточительство!"

Тут лисенок забеспокоился и вдруг подумал о страшных вещах. Он захлопал глазами и пронзительно закричал: "Раз, предки, дайте мне еще один шанс. На этот раз я ничего не понял. Как же так?" Что случилось... эта воздушная машина, эта воздушная машина..."

В следующее мгновение безжалостное тело лиса внезапно воспламенилось синим пламенем. Его тело яростно дергалось, как большая рыба, выловленная на берег. Он истошно кричал, и рана на его теле быстро затягивалась. А его дыхание постепенно слабело.

Татуировка лисы на спине медленно рассеялась. Он медленно открыл глаза. Уголок его глаза, который был длиннее, чем у обычного человека, внезапно открылся. Длина его глаз на лице внезапно стала больше, чем у обычного человека. Более чем вдвое, когда он слегка моргнул, глаукома в щели между веками замерцала, словно двуручный циановый меч плевался холодом.

Протянув руку и схватив горсть пустоты, "лис не беспокоится" прошептал: "Это дыхание... ох... большая вещь нехорошая... как это возможно?".

<http://tl.rulate.ru/book/5788/2237958>